

Корней и Николай Чуковские оставили свой XX век в книгах

Осенью 1906 года на опустевших после шумного нарядного лета безлюдных дорогах финского поселка Куоккала под Петербургом появилась странная фигура. Высоченный, плотный человек шагнул, легко преодолевая канавы. Он приехал с женой и маленьким сыном в поисках недорогой дачи. В Куоккале и своих чудаков хватало, но приезжий вовсе не укладывался в обычные правила. Из дома выходит без шляпы, говорит, что с ней жарко, сапог не надевает, и жена его тоже босоногая. Местные дачники решили, что семейка демонстрирует свой стиль.

Пройдут годы. Местные дачники смирятся и познакомятся с петербургским литературным критиком Корнеем Ивановичем Чуковским, примут его в свой круг. Репин даже уговорит его купить дачу наискосок от «Пенат», да еще ссудит недостающие деньги.

Куоккальская земля благоволит семье Чуковских. Подрастает старший сын Коля, весной 1907 года родилась Лида, летом 1910-го — младший сын Боба (Борис), через десять лет — младшая Мура (Мария). У отца на втором этаже дачи свой кабинет. Здесь, работая по двенадцать часов, он будет писать статьи в петербургские газеты и журналы, делать переводы с английского, готовиться к публичным лекциям.

Да и литературный Петербург не сразу принял чужака, который отменил в своих критических статьях «священнодействие», доказав, что о литературе можно писать «смешно, точно и темпераментно, не впадая в фанатизм проповедничества». Леонид Андреев связал стиль молодого критика с развязностью «одесских репортеров». Но он же со временем признает «острую наблюдательность, блеск и меткость языка, яркость сопоставлений, парадоксальность выводов, разрушающих привычный шаблон».

Откуда взялась приклеенная оппонентами метка «одесский стиль»? Коля Корнейчук родился в 1882 году в Петербурге. Мать — украинская крестьянка, отец — петербургский студент. Брак не был зарегистрирован, в свидетельстве о рождении значилось «незаконнорожденный». Отец оставил семью, и мать, лишившись средств для петербургской жизни, приняла решение переехать с двумя детьми в Одессу. В дневнике Коли Корнейчукова осталось сокровенное признание о пережитом: «Страшна была моя неприкаянность ни к чему, безместность, — у меня даже имени не было: одни звали меня в письмах «Николаем Емельяновичем», другие «Николаем Эммануиловичем», третьи «Николаем... извините, не знаю, как Вас величать»... Помню, как клоуны я просил всех даже при первом знакомстве — уже усатый, — «зовите меня просто Колей!», «а я Коля, и т. д.» Это казалось шутством, но это была боль... И отсюда завелась привычка мешать боль, шутство и ложь — никогда не показывать людям себя — отсюда, отсюда пошло все остальное».

Ждало юношу еще одно испытание. По действующему с 1887 года указу министра просвещения Делянова о «кухаркиных детях» его исключили из 7-ого класса гимназии. Колина мама, прачка, стиравшая по ночам чужое белье, не могла обеспечить «необходимые для занятий удобства», а также присутствие кухарки и горничной. Первый ученик по грамотности оказался на улице. «Меня выгнали из гимназии, — рассказывал писателю. — Я живу как поплаво. То помогаю рыбакам чинить сети, наживлять переметы, то клею на перекрестках афиши о предстоящих гуляньях и фейерверках...».

Он решил самостоятельно пройти гимназические предметы и сдать экзамены экстерном. Именно тогда был куплен самоучитель английского языка Оллендорфа... Английский язык пригодился в неожиданной ситуации. Юношу, увлеченного философией, сочинениями Дарвина, Плеханова, Достоевского, Шопенгауэра, Ницше, пробующего себя в поэзии и эссеистике, познакомили с редактором «Одесских новостей» и напечатали его первую заметку. Под ней стояла подпись — Корней Чуковский. «Я понял, что фамилия Корнейчуков — мужицкая, хохляцкая. Я сделал себе Чуковского», — так объяснил он сам эту перемену.

Гонорар воодушевил начинающего автора, семь рублей ушли на покупку новых штанов. Больше всех радовалась мама, говорила соседям: «Сын у меня, знаете, писатель!».

А в 1903 году в его жизнь вмешался случай. В «Одесских новостях» искали журналиста, знающего английский язык, для работы специальным корреспондентом в Лондоне. Было бы преувеличением сказать, что Корней Чуковский владел языком, но объяснить мог. Конкурентов в газете не нашлось, и он уехал в Англию. 89 статей на самые животрепещущие темы — портреты лондонских жителей и иммигрантов, судебные наблюдения, зарисовки о митингах в Гайд-парке, о книгах «для отдыха, для досуга, для развлечения». Позже они войдут в его книгу «Нат Пинкертон и современная литература».

Открытием для молодого Чуковского стала библиотека Британского музея. Там он проводил дни напролет. Читал Диккенса, Ренана, Теккерея, Браунинга, Суинберна, книги по философии и политэкономии. Библиотекари заметили, что молодой человек не обедает, а только читает и пишет. Они предложили ему составить каталог русских книг. Чуковский согласился — газета задерживала обещанное жалование, один шиллинг в день спасал его положение.

Осенью 1904 года он вернулся в Одессу. А через год принял решение переселиться с женой и годовалым сыном в родной Петербург. Начал с должности корректора в издательстве Сойкина. Пытался издавать сатирический журнал «Сигнал», но был обвинен в «потрясении основ государства» и попал в тюрьму на Шпалерной улице. Выручил залог, внесенный женой Куприна. Съём квартиры оказался не по карману. Куоккала стала выходом из житейской трудной ситуации.

Здесь, неожиданно для него самого, слушателями оказались его собственные дети и их друзья. Он не забывал свое безотцовское детство и сотворил свою игровую педагогику. Выдумки его были неисчислимы — кто выше прыгнет, кто дальше пройдет по забору, кто лучше играет в городки. Учил грести на веслах, ходить на лыжах, играть в шахматы. То затеет перегонки, игру в снежки или устроит кучу малу.

Стихи сочиняет экспромтом и по любым поводам. Читает детям наизусть Пушкина, Тютчева, Некрасова, Баратынского, Блока, Шевченко, Байрона, Лермонтова, Фета. Потом он назовет эти чтения «стиховым воспитанием».

Из домашних игр и органической неприязни к авторизмам журнала «Задушевное слово» и сочинениям Лидии Чарской возникнут его знаменитые «Тараканище», «Крокодил», «Мойдодыр», «Бармалей», «Телефон», «Федорино горе» и другие. Принцип прост: «Скажи ребенку, что на дереве растут башмаки, он поверит и даже не удивится».

Одного не терпел Корней Иванович — безделья детей. Особенно это касалось занятий английским языком. За невыученные слова отправлял Колю в чулан, а Лиде кричал: «Убирайся! Только бы лентяйничать... Я сегодня с пяти часов утра сижу за столом!». Выбирал для перевода самое трудное, например, предлагал такую околесицу: «Пестрая бабочка, вылупившись из куриного яйца, угодила прямо в тарелку старому холостяку». Мог ли он предположить, что «томный бездельник» Коля станет переводчиком «Принца и нищего» и «Янки при дворе короля Артура» Марка Твена, «Острова сокровищ» и «Черной стрелы» Стивенсона, «Рассказов о животных» Эрнеста Сетон-Томпсона. Но как он оберегал сына, когда тот прыгал на берегу с камня на камень, размахивая палкой-саблей и кричал: «И вот они вылетели из густых зарослей. Бах, бах — раздались выстрелы!». Всякое вмешательство жестко пресекалось: «Не ходите на берег! Там Коля мечтает!».

Не из этих ли мечтаний на берегу Финского залива и увлечений географическими картами, которые застилали весь дом, появятся книги для подростков, написанные Николаем Чуковским: «Капитан Джеймс Кук», «Повесть о плавании и смерти капитана Лаперуза», «Путешествие капитана Крузенштерна»?

В 1919 году Корней Иванович привлечет Горького к созданию пристанища для петроградской бедствующей художественной интеллигенции — Дома искусств. Имя знаменитого писателя послужит щитом в хлопотах Чуковского, организатора и ходока по инстанциям.

Чуковский начал просветительскую деятельность с продления жизни Литературной студии Дома искусств, полагая, что жильцам ДИСК-Ка прежде всего нужно общение, публичные

Владимир Маяковский и Корней Чуковский с сыном Борисом в Куоккале. 1915

Чуковский в студии Ильи Репина, Куоккала, ноябрь 1910 года. Репин читает сообщение о смерти Толстого. На стене виден неоконченный портрет Чуковского. Фотография Карла Буллы

чтения своих неизданных работ в ситуации мертвых типографий и полной пропажи бумаги.

Чуковский объявил программу лекций и семинаров, сам читал «Историю современной английской литературы» и вел семинар «Критика». К нему записались будущие серапионы — Зошенко, Лунц, Слонимский, Полонская, Познер, Тихонов. Николай Чуковский выбрал семинар Гумилева «Теория поэзии. Практические занятия по поэтике».

Зимой 1921 года образовалось сообщество молодых литераторов «Серапионовы братья». Некоторых Чуковский знал давно, других по семинару «Критика». Когда прочитал реферат Зошенко о Блоке (по другим сведениям о Надсоне), сказал автору: «Это невозможно! Этак вы уморите своих читателей! Пишите юмористические произведения!». Чуковский присутствовал на встрече серапионов с Горьким в его квартире на Кронверкском проспекте и оставил в дневнике колоритную запись: «3 июня 1921 года. У Горького... В столовой собрались: Шкловский (босиком), Лева Лунц (с бритой головой), франтоватый Никитин, Константин Федин, Миша Слонимский (в белых штанах и с открытым воротом), Коля [Чуковский] (в рубашке, демонстративно залапанной), Груздев (с тросточкой)».

Имя сына в ряду серапионов не случайно. Он был в первом составе сообщества и получил кличку «молодой брат». Вырос Николай в литературной среде. На куоккальской даче отца и на знаменитых «средах» у Репина в «Пенатах» видел Леонида Андреева, Владимира Короленко, Федора Шаляпина, художников Юрия Анненкова, Валентина Серова, Леонида Бакста и Бориса Григорьева. Одно лето у Чуковских жил Маяковский. Сочинял поэму «Облако в штанах». По воскресеньям к нему съезжались эксцентричные футуристы Каменский, Крученых, Хлебников. Репинские гости частенько перемещались на дачу Чуковского. Там обсуждали общественные события, новые книги, картины, спектакли, журналистику. Репин читал свои воспоминания, Чуковский представлял гостям своего «Крокодила».

Николай поступил на филологический факультет петроградского Университета, но проучился недолго. Слушал лекции выдающихся деятелей культуры в Институте истории, но своим призванием считал поэзию. Дружба с серапионами только укрепила его взгляды. В сообществе его считали своим, ценили остроумные стихи и пародии, обливавшие литературные нравы. Его слушал Гумилев и подарил сборник «Жемчуга», как рас-

М.Б.Чуковская, К.И.Чуковский с сыном Николаем. Петербург

К.И. Чуковский с сыновьями Николаем и Борисом. Ленинград

Корней Чуковский с женой. 1910-е годы. Куоккала

К.И. Чуковский с дочерью Лидией и сыном Николаем

И.Е. Репин в гостях у Чуковских. Куоккала. 1913. На диване — К.И. и М.Б.Чуковские, Н.Б. Нордман-Северова, Коля Чуковский; слева — И.Е. Репин и Лидя Чуковская. Собрание Е.Ц. Чуковской

Николай и Корней Чуковские. 1963 год

сказывал Николай, с такой ласково-насмешливой надписью: «Коле Чуковскому, моему собрату по перу. 18 ноября 1918 года». Нравились его стихи и Владиславу Ходасевичу, по его рекомендации Горький напечатал в журнале «Беседа» поэму «Козленок». Свои публикации стихов в газете «Накануне», журнале «Русский современник», альманахе «Ушкуйники» юный поэт подписывал псевдонимом Николай Радищев. Но был и другой отзыв, жесткий приговор Осипа Мандельштама, о котором Николай не захотел умолчать: «Каким гуттаперчевым голосом эти стихи не читай, они все равно плохие». В 1928 году вышел первый и последний его сборник «Сквозь дикий рай». Дар поэта он осуществил в первоклассных переводах поэзии Эдгара По, Шиллера, Петефи, Тувима, Табидзе и др. (сб. «Время на крыльях летит...». 1967).

Всю жизнь отец и сын Чуковские писали друг другу письма, не меняя обращений: «Милый Коля» — «Милый папа». Двести тридцать семь посланий вместили четыре с лишним десятилетия.

В переписке заметен элемент игры, инициатива в которой принадлежит отцу. Опасаясь нравоучительства, он подписывает письма то «Твой — понимаешь ли? — папа!», то «Твой тато» (влияние Шевченко, которым он занят), то переходит на английский язык «Yours K. Ch.», «Peter», «Твой Uncle Tom`s» (редактор «Тома Сойера» в переводе сына). Или совсем неожиданно для домашних — «Король Лир». Он послал детям по две тысячи рублей. Николай откликается тотчас: «За деньги тебе, король Лир, спасибо. Когда ты в безумии, с выколотыми глазами, покинутый всеми, в бую, будешь рвать свои седые волосы, именно я окажусь той дочерью, которая тебя пожалует. Впрочем, все они так говорят».

В 1937 году в Ленинграде прошла волна политических арестов в кругу писателей. Репрессированы Борис Корнилов, Николай Заболоцкий, Николай Олейников, многие друзья Николая Чуковского. Судьба охранила самого Николая, он не был арестован. Но стал заложником времени. Нельзя не заметить, что три его предвоенных романа «Слава» — о Кронштадтском восстании, «Княжий угол» — о мятеже в Тамбове, «Ярославль» — о восстании в июле 1918 года — посвящены борьбе с контрреволюцией.

Корней Иванович тревожится и спешит сообщить сыну об успехе у делегатов XVIII партийного съезда в Москве: «На прилавке гряда «Ярославлей». Делегаты раскупают их с жад-

ностью... Сейчас в Москве эта книжка у всех на руках». Отцу кажется, что сам этот факт свидетельствует о благонадежности автора.

Зимой 1939 года Николай Чуковский участвует в финской кампании. Служит корреспондентом газеты «Красный Балтийский флот». Он остался в блокадном Ленинграде, служил в подразделении военно-морской авиации. Морские летчики — герои его военных повестей «Девять братьев» и «Талисман», ставших прологом к главной книге — роману «Балтийское небо» (1954). В 1961 году Владимир Венгеров снял по этому произведению фильм «Балтийское небо».

Чуковские, отец и сын, принадлежали по менталитету к началу XX века. Серапион Вениамин Каверин сказал о Николае после его ухода: «Он был писателем 30-х, 40-х, 50-х годов, но человек он был годов 20-х». Неудивительно, что они оба совпали в желани расказать о людях своего времени. Корней Иванович пишет художественные портреты Чехова, Куприна, Гарина, Леонида Андреева, Блока, Горького, Маяковского, Саши Черного, Тынянова («Современники», 1962). Николай Чуковский приступает к воспоминаниям в конце 50-х, во время короткой «оттепели». Пишет в стол, не надеясь на публикацию. Оттого он свободен от цензурных запретов на целый ряд писательских имен и прежде всего неупомянуемого Николая Гумилева. Сегодня они изданы и добавлены перепиской с отцом (Н. Чуковский. «О том, что я видел». Молодая гвардия, 2005 г.).

Талантливая память автора дарит нам живые образы писателей 20-х годов — Маяковского, Гумилева, Ходасевича, Волошина, Мандельштама, Шварца, Заболоцкого, Тынянова. Но первое место отдано ДИСКУ, Литературной студии, «Серапионовым братьям», друзьям Льву Лунцу, Владимиру Познеру, Елизавете Полонской, Михаилу Зощенко, Михаилу Слонимскому, Николаю Тихонову, Вениамину Каверину, учителям Николаю Гумилеву и Виктору Шкловскому.

В одном из писем Корней Иванович писал сыну: «Все же я должен сказать, что работа у нас с тобой хорошая. Чудесное дело — литература. Сидел бы целый день, не отвываясь, только бы года на два хватило здоровья».

Николай Чуковский умер в 1965 году внезапно, во сне. Через четыре года, в 1969-м, от нелепого гепатита скончался Корней Иванович Чуковский. Свой XX век они оставили в книгах.

Татьяна ЛАНИНА